

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Н. Б а с и л о в

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ ПОСЛЕ МАКЛЯ*

В деревне Бонгу в день высадки мы не смогли побывать. После встречи на пляже, где Н. А. Бутинов прерывающимся от волнения голосом произнес приветственные фразы на языке бонгу и вызвал этим восторг высыпавших на берег жителей деревни, действие перенеслось в просторную хижину, которую предоставили нам для жилья. Специально построенная для приезжих, она стояла чуть в стороне от деревни, за ручьем. Близились сумерки. Папуасы с приветливыми улыбками помогали нам переносить и расставлять вещи. После ужина мы расселись все за длинным столом на веранде хижины, и К. Саймонс, представитель австралийской колониальной администрации, попросил рассказать главе деревенского совета Каму, чем каждый из нас будет заниматься: людям Бонгу должны быть ясны задачи работы. Наши речи К. Саймонс переводил Каму на пиджин-инглиш. Каму слушал, серьезный и, может быть, немного важный. Когда ему задавали вопрос, он отвечал не сразу, словно давая понять, что солидный человек должен подумать, прежде чем ответить. Наконец, планы на завтра были определены и все разошлись. Наступила ночь.

Очутившись утром в Бонгу, я почувствовал некоторое разочарование: деревня оказалась не совсем такой, какой я ожидал ее увидеть по рисункам и описаниям Н. Н. Миклухо-Маклая. «Хижины стоят не на сваях...», — писал русский ученый о постройках на Берегу Маклая¹. Однако вокруг просторной центральной площади группами теснились к лесу хижины, возвышающиеся над землей на сваях (рис. 1). Иной, чем сто лет назад, облик придавала постройкам и крыша. Н. Н. Миклухо-Маклай не раз указывал на ее выпуклую форму, удобную для быстрого стока дождевой воды; дома с такими крышами запечатлены и на его рисунках². Однако хижины, которые разглядывал я, были увенчаны крышами с совершенно плоскими скатами. Из-под двускатной кровли выступали, нависая над торцовыми стенами, еще два небольших ската, но и они были плоскими, а не округлыми, как в старину. Однако материал для крыш остался прежним — лист кокосовой пальмы.

* Публикуя статью В. Н. Басилова, редакция продолжает знакомить читателей с пребыванием группы этнографов на Берегу Маклая. См.: Д. Д. Тумаркин, По островам Океании, «Сов. этнография», 1972, № 2; В. Н. Пугилов, В Бонгу звучат окамы, «Сов. этнография», 1972, № 3.

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, М.-Л., 1951, стр. 69.

² Там же, стр. 69, 88, 89, 101, 151; т. V, М.-Л., 1954, стр. 47, 71, 73; т. I, М.-Л., 1950, стр. 95, 135, 163.

Деревня выглядела нарядно. Земля вокруг домов, полностью освобожденная от слоя дерна, была идеально чиста — ни листика, ни соринки. Видимо, это естественно для человека, попавшего в совершенно новую обстановку, что взор его в первую очередь привлекают необычные, но несущественные детали. Осматриваясь вокруг, я заметил сизые от времени челюсти какого-то животного,

Рис. 1. Современные хижины в Бонгу стоят на сваях. Фото В. Н. Басилова

положенные на развилку дерева у одного из домов. И когда со мной приветливо поздоровался молодой папуас в новых шортах и ковбойке, я не замедлил после обмена необходимыми для знакомства фразами спросить у него, с какой целью оставлены здесь челюсти. Мой собеседник назвал себя сыном «президента деревни»; он и в самом деле был очень похож на Каму. Как и многие другие молодые люди Бонгу, он неплохо знал английский язык, преподаваемый в школе. Челюсти дикой свиньи, объяснил он, сохраняются, чтобы пробуждать у охотника приятные воспоминания об удачной охоте. А в память о выдающемся улове хозяин соседнего дома сберег кости большой рыбы. Соединенные так, что образовался полумесяц концами вниз, они были подвешены на веревке к концу укрепленного наклонно шеста.

Свиная челюсть и полумесяц из рыбьих костей явно указывали на связь времен. Такой обычай отмечал и Н. Н. Миклухо-Маклай. Он, впрочем, наблюдал его в мужских домах, где «вдоль стен... висит много нижних челюстей свиней, зарезанных во время пиров, и черепов съеденных рыб»³. Что такое бонгуанский мужской дом? По материалам Н. Н. Миклухо-Маклая нельзя составить о нем достаточно полное представление. Мужской дом — хижина, «которой пользуются по большей части только мужчины. Она служит также спальней для молодых людей и для гостей из других деревень»⁴. Женщинам вход в нее запрещен⁵. Эта хижина «...обычно отличается от остальных гораздо большими размерами и высотой; она открыта с передней и задней сторон»⁶. Вместе с сыном Каму мы обошли уже значительную часть деревни, но нигде не было заметно постройки, похожей на описанную Н. Н. Миклухо-Маклаем. А сохранились ли вообще в Бонгу дома для мужчин? Я спросил об этом у своего спутника. «Да», — последовал уверенный ответ. К сожалению, получилось так, что осмотреть мужской дом удалось только через день.

³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, стр. 3; см. также стр. 100, 118.

⁴ Там же, стр. 70; т. I, стр. 162.

⁵ Там же, стр. 105.

⁶ Там же, стр. 68; т. V, стр. 47.

* * *

Утром 11 августа я стоял перед хижинкой, не выделяющейся среди других построек деревни ни размерами, ни архитектурой. Как и прочие дома, она стояла на сваях; крыша из пожухших на солнце пальмовых листьев свисала над плетеной оградой веранды. Это и был мужской дом, принадлежащий семейно-родовой группе (вемун) Обому. Меня и М. В. Крюкова привел сюда юноша Какал, с большой охотой помогавший нам в работе. По его словам, здесь и в других подобных хижинах живут только мальчики, поэтому местное название ее, «ббдью» или «ббджьюу»⁷, он переводил как «дом мальчиков» (boy's house). Женатые мужчины живут вместе со своими женами и детьми. Конечно, никто не запретит взрослому мужчине переночевать в «ббдью», если его побудят к этому какие-то причины, но, как правило, в этой хижине спят одни мальчики. Старика, который специально наблюдал бы за порядком в «доме мальчиков» и занимался бы их воспитанием, нет. Этот дом скоро пойдет на слом. Вемун Обому считал его старым и неудобным и строит сейчас новую хижину для мальчиков. По мнению Какала, новый дом будет в общем таким же.

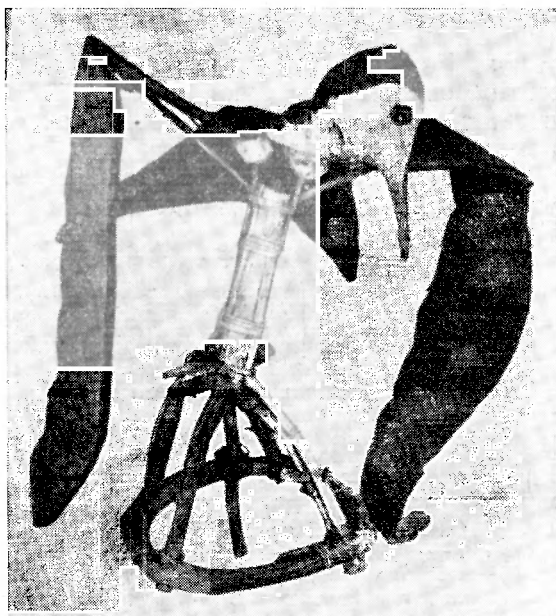

Рис. 2. Ритуальный головной убор «асс». Фото Н. А. Бутинова

Какал взобрал по ступенькам на веранду дома и вынес нам странный предмет. Сделанная из картона птица с большими опущенными вниз крыльями, выкрашенная в темно-серый цвет, мрачно застыла над конусовидной плетеной подставкой (рис. 2). «Головной убор для танцев, которые танцуют мальчики», — сказал Какал. Когда приходит пора пройти обряд посвящения, мальчики уходят в лес и там готовят себе такие ритуальные головные уборы.

Зная по опыту, что надо записать все немедленно, иначе добрая половина услышанного будет забыта, я раскрыл дневник. Было неудобно писать, держа его в руках; я поднял ногу и положил дневник на колено. Эта поза также была не очень удобна, на что и обратил внимание подошедший к нам молодой папуас. Он посмотрел на меня, потом поднял свою ногу и осторожно подставил ее под мою, чтобы поддержать. Так мы стояли оба на одной ноге, пока я не догадался изменить положение. Кажется, я поблагодарил его поклоном, но это вышло скорее механически. Лишь позднее, на корабле, когда «Дмитрий Менделеев» уже покинул Бухту Константина, я вспомнил и смог по-настоящему оценить этот милый пример папуасской вежливости, в котором проявилось общее отношение жителей Бонгу к нам, гостям из «страны Маклая».

⁷ Слово «буамбрамра» было ошибочно принято Н. Н. Миклухо-Маклаем за название мужского дома.

головой убор с птицей называется «какал», поленил какал. Какал птица изображена? Чайка, летающая над морем. От ободка конуса, надеваемого на голову, отходила вниз деревянная палочка; она не являлась частью головного убора, а была прикреплена для того, чтобы его легко можно было оставить на верху перегородки дома. Впрочем, обычно эти ритуальные уборы долго не хранят; многие выбрасывают их после танцев. Какал вынес еще одно сооружение из картона, птичьих перьев и бамбуковых палочек — головной убор «бобо», обозначающий рыбу, которая на языке бонгу именуется «барам-обуль». Рыба была выполнена очень стилизованно, ее расцветку передавали красная и серебряная краски⁸. Есть еще один тип ритуальной шапки для танцев, он весьма сложной символики и сочетает в себе изображение острова, цветов и существа, подобного змее. Однако такого головного убора в хижине мальчиков не оказалось.

Юноша, к сожалению, рассказал нам только об одном элементе обряда инициации. Он сообщил, что танцуют одновременно двадцать или больше мальчиков, и у каждого надев свой головной убор. Этот танец не исполняется на других празднествах и сопровождается песней «пуденг», которую поют только во время танца мальчиков.

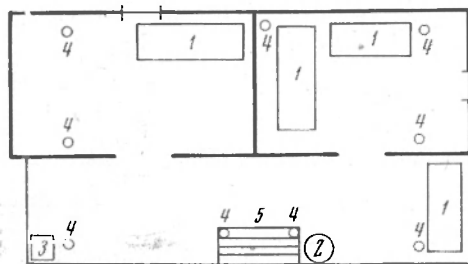

Рис. 3. Схематический план «дома мальчиков»: 1 — «кровать»; 2 — место для очага; 3 — «столик» на веранде; 4 — столбы, поддерживающие кровлю; 5 — лестница на веранду

Поет мужчина или мальчик, если он знает песню, и все присутствующие подтягивают. Это были весьма скудные сведения об обряде, но уже показанные юношей головные уборы говорили о том, что «дом мальчиков» еще сохранял связь со старинными ритуалами и, видимо, верованиями. В частности, головной убор

в виде чайки любопытно сопоставить с новогвинейскими деревянными изображениями предков, у которых на голове помещена птица с опущенными вниз крыльями. Одна из таких деревянных фигур с птицей на голове, например, входит в экспозицию Фиджийского Музея в Суве, другая представлена в известной коллекции Н. Н. Мишутушкина⁹. Внешнее сходство скорее всего объясняется одним и тем же мифологическим сюжетом, отображенным и в обряде, и в скульптуре предка.

Мы осмотрели «дом мальчиков». Он состоял из веранды и двух изолированных комнат (рис. 3), отделенных от веранды и друг от друга перегородкой из расщепленных вдоль бамбуковых стволов. Изоляция была относительной — перегородки не доходили до крыши, а стенка, разделяющая комнаты, имела небольшое окошечко. В доме не было дверей, зато были окна, в каждой комнате по одному. М. В. Крюков спешил на встречу, о которой условился еще вчера, и Какал обещал переводить ему. Я же считал нужным сделать описание «дома мальчиков». «Можно смело все осматривать и записывать», — сказал Какал, уходя.

Несмотря на ранний час, стояла жара, и сидеть в тени открытой веранды было приятно. Я и начал описание с веранды. На одном конце ее стояла ничем не покрытая самодельная деревянная кровать без изголовья, вернее, широкая скамья, на другом — небольшой столик или полка, где Какал положил головной убор «бобо». У «столика» к плетеной ограде веранды была прислонена сложенная вдвое циновка. Над столиком на балке висели одеяло и рубашка. У самого входа лежал железный

⁸ Оба описанных головных убора приобретены для коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР.

⁹ «Arts du Pacifique», Port-Vila, 1970, № 2, p. 20.

круглый лист от бочки для бензина, покрытый тонким слоем золы. Три почерневших от огня консервных банки служили, очевидно, подставками для посуды, водруженной над огнем.

Я осторожно прошелся по бамбуковым расщепам пола веранды, прогибавшимся подо мной, и заглянул в левую (если смотреть от входа) комнату. Здесь также стояла у окна деревянная «кровать», а в углу лежала на полу циновка. Под кроватью выстроилась в ряд покупная обувь — ботинки, кеды. На горизонтальных балках, входящих в конструкцию крыши, и кое-где на жердях, составляющих стену, висела одежда. Между бамбуковыми палками перегородки торчали белые петушиные перья — распространенное украшение мужской шевелюры. Обитатели дома явно заботились о своей внешности: на узком подоконнике лежали традиционный самодельный гребень из бамбука и покупная платяная щетка. В щель стены над окном были воткнуты ножницы.

Похоже, что здесь было все, нужное для неприхотливой жизни подростка. За горизонтальную жердь стены кто-то засунул плетеную (кажется, из пальмового листа) сумку с электрическим карманным фонариком в ней. Фонарь «летучая мышь» висел на балке. Я случайно наступил на деревянный пест для размягчения клубней таро, оставленный на полу. Да, в этой хижине готовили пищу, но, по-видимому, лишь время от времени. Здесь не было ни посуды, ни хозяйственного уголка. Очевидно, мальчики питались в домах своих родителей. Духовную пищу осязаемо представляли положенные на подоконник листочки из Библии в английском переводе, закатившийся под кровать музыкальный инструмент «тора» из раковины и небольшой деревянный барабан «окам» с затейливой резьбой, по форме слегка походивший на песочные часы. В другой комнате стояли две деревянные «кровати» да на веревке висели рубашки и шорты. Так вот каким стал мужской дом! Внешне о прошлом напоминали, кроме головных уборов, пожалуй, лишь музыкальные инструменты (Н. Н. Миклухо-Маклай отметил, что они хранятся в мужском доме). Понятно, почему здесь не встретила мне заботливо собранная коллекция свинных челюстей в память об обильных пиршествах: мужской дом уже потерял роль центра общественной жизни мужчин. Здесь не было и большого сигнального барабана «барум», обязательного для мужского дома времен Н. Н. Миклухо-Маклая. Более того, хижина, которую я описывал, выглядела современнее, чем многие жилые постройки: она имела окна. Да и деревянные «кровати» правильнее считать нововведением, хотя называются они так же, как и большой помост («барла»), некогда устраиваемый вдоль одной стены мужского дома.

Я просидел в «доме мальчиков» в полной тишине около двух часов. Даже странно было, что на этот раз вокруг не толпились жадные до зрелищ ребятишки. Лишь однажды мое одиночество было нарушено: вошел юноша, что-то взял, улыбнулся мне и исчез. Я спустился по ступенькам и обошел вокруг дома, рассматривая конструкцию пола.

Вокруг никого не было. Я медленно пошел меж хижин к центру деревни.

Звуки торжественного песнопения привели меня к небольшой деревенской церквушке, которая уже раньше привлекла мое внимание простотой архитектуры: над земляной площадкой на столбах нависала обычная для построек Бонгу пальмовая крыша (см. рис. 4). Под нею за низенькой оградкой сидело на деревянных лавках человек пятьдесят. Рядом с церковью на каменной россыпи разместилось еще человек десять.

Я тоже присел в тени соседней хижины, чтобы понаблюдать за воскресным богослужением. Любопытно, насколько глубоко укоренилось христианство в этих местах? Гимн смолк, в тишине отчетливо были слышны слова пастора, читавшего проповедь на пиджин-инглиш. Я заметил еще небольшую группу мужчин, человек десять-пятнадцать, рас-

Рис. 4. Главная площадь в Бонгу. На заднем плане, справа, — церковь. Фото А. В. Брюханова

положившихся метрах в тридцати от церкви. Часть из них сидела на выдолбленном из цельного бревна «баруме», лежавшем на площади, поодаль от ближайших хижин. Этот барабан вновь вернул меня к мыслям о мужском доме. С утверждением новой для Бонгу свайной архитектуры «барум», конечно, должен был остаться вне хижин: он был слишком тяжел для бамбукового пола. Однако я видел в деревне еще пять или шесть таких же барабанов, положенных у самых хижин или даже задвинутых между сваями, под пол. Этот же «барум», брошенный под открытым небом, казался свидетелем утраты былого ритуального значения сигнального барабана.

Под крышу недостроенного дома, близ места, где я сидел, вошла женщина. Она наклонилась над своеобразной «печью» — железной решеткой, помещенной на два обрубка бревна; под решеткой пылали угли. Женщина пощупала разложенные на решетке куски рыбы, затем сложила их в холщовый мешок и удалилась, ведя за собой девочку. Кухонные занятия женщины во время богослужения сначала не удивили меня, мало ли какие бывают у людей обстоятельства. Но вскоре приготовление рыбы в непосредственной близости с церковью предстало в новом свете. Мне наскучило сидеть в бездействии. Я уже снял кинокамерой все, что было интересным. Завязывать разговор с папуасами, устроившимися на «баруме», казалось неудобным — они явно слушали проповедь, никто из них, вопреки обыкновению, не подошел ко мне. Покинув главную площадь Бонгу, я с изумлением обнаружил, что многие жители деревни занимаются своими повседневными делами, пренебрегая воскресным богослужением. Вот женщина на веранде дома выскребывает мякоть кокосового ореха; куда-то, не торопясь, идут старик и молодой мужчина; вдалеке — группы о чем-то беседующих людей. Я набрел на семью, расположившуюся на циновке за обедом. Почему же только небольшая часть бонгуанцев присутствовала на воскресной службе в церкви?

Я вернулся к церкви как раз к концу богослужения, люди расходились по домам. Мы обменялись приветствиями с пастором. Через некоторое время появились празднично одетые ребяташки, они

возвращались из воскресной церковной школы. Многие еще держали в руках листочки с текстами на пиджин-инглиш (в отличие от государственных и субсидируемых властями школ, такие «школы» не перешли на английский язык). Но вот возвратились Какал и М. В. Крюков, и я забыл о церковных делах. Мы пошли в другой конец деревни.

Деревня теперь была очень людной. На центральной площади собралось особенно много народу — одни стояли группами у домов, другие прогуливались между хижинами. Женщины вытащили на улицу циновки и расположились с младенцами в тени, занятые рукодельем. Все ожидали праздника — «синг-синг». Сегодня лучшие танцоры деревни намеревались исполнить

старинные танцы для советских гостей. Это было праздником и для самих папуасов. Работы много, и танцы случаются не каждый день. Скопление жителей предоставило случай наблюдать современную одежду папуасов Бонгу во всем ее разнообразии. Европейские образцы довольно прочно вошли в быт. Наиболее восприимчивыми к ним оказались девушки, освоившие вместе с платьем европейского покроя и некоторые другие предметы туалета. Женщины более почтенного возраста, напротив, пренебрегали заокеанской модой. Многие бонгуанки с детьми на руках обходились одной несшитой юбкой (конечно, из покупной ткани) (см. рис. 5). Одеждой мужчинам служили набедренная повязка или шорты, дополняемые иногда рубашкой. Большинство детишек были совсем нагими.

Вдруг раздались удары в «барум», крики. Площадь заполнилась народом. Здесь были человек тридцать с «Дмитрия Менделеева» во главе с начальником экспедиции А. А. Аксеновым и капитаном М. В. Соболевским. Начались танцы! Одеты лишь в набедренные повязки из луба, танцоры приседали, нагибались, мелкими шажками передвигались друг за другом по кругу и вновь совершали телодвижения, смысл которых был понятен только жителям деревни. Участники танца держали в руках «окамы» и время от времени ударяли в них. Над головами танцоров развевались роскошные белые перья головных уборов. Кольца украшений из раковин или клыков кабана, подвешенных на груди, раскачивались в такт легким прыжкам. Ах, эти украшения! Для них не хватало места на груди, у некоторых они были даже на спине, а двое танцоров держали причудливые сооружения из бус и раковин зубами. Если в папуасских хижинах лишь некоторые вещи напоминали о старине, то наряд танцоров полностью вызывал в памяти прошедшие времена. То же одеяние, те же украшения танцоров, которыми любовались мы, описывал и Н. Н. Миклухо-Маклай. Папуасы танцевали прекрасно. Их движения были лаконичны, лица сосредоточенны. Трудно, впрочем, сказать, кто был больше увлечен танцами, — они или зрители с «Дмитрия Менделеева», сжимавшие в руках кино- и фотоаппараты.

Рис. 5. Женщины Бонгу. Фото В. Н. Базилова

После праздника мы осматривали огороды и кладбище, участвовали в заготовке дров, разговаривали со стариком, плавали на каное с брезном-балансиром, затем вновь осматривали деревню. Солнце садилось, жара спадала. Женщины возвращались с огородов, неся продовольствие в сумках, укрепленных ляжками на лбу,— как во времена Н. Н. Миклухо-Маклая. Кое-где семьи уже сидели на площадке у дома близ костра в ожидании ужина. Несколько девушек с длинными отрезками бамбуковых стволов шли за водой, положив свои «ведра», как ружья, на плечо. Хозяйка кормила под полом веранды посаженного в клетку поросенка — единственного, которого я видел в деревне. Свиньи портят посадки и жители Бонгу их уже не разводят. Те же, кто отступают от общего правила, вынуждены держать животных в клетке... Настала пора возвращаться домой, и Какал, расставаясь, обещал вечером придти к нам.

Ярко горели австралийские керосиновые лампы, принесенные нашими друзьями из деревни. Как и в прежние вечера, за столом сидели К. Саймонс, Каму и несколько других жителей Бонгу, проявивших особый интерес к нашей работе. К. Саймонс провел на Новой Гвинее большую часть своей жизни и стал незаурядным знатоком быта папуасов. Он задумчиво морщил лоб, выслушивая Д. Д. Тумаркина, что-то рассказывал ему и успевал вместе с тем принимать участие в беседе Н. А. Бутинова и Н. М. Гиренко с Каму. Время от времени он трогал Каму за руку и с улыбкой пояснял, что тот не совсем правильно понял обращенный к нему вопрос. Внимательно глядел на собравшихся неоглущный спутник О. М. Павловского, папуас Амбаси. Он переселился в Бонгу из района реки Сепик сравнительно недавно, женившись на бонгуанке. Амбаси понимал язык бонгу, но предпочитал говорить на пиджин-инглиш даже со своей женой. Мочка уха Амбаси была разрезана и вытянута двумя полосками, которые он в минуты внутренней сосредоточенности завязывал в узелок. Вот и сейчас его пальцы привычным движением перебирали раздвоенные концы мочки¹⁰.

Пришел Какал. Мы уселись на раскладных стульях у самого входа в хижину, чтобы не мешать беседующим за столом. Луна освещала поляну перед хижиной и стройные стволы кокосовых пальм. Поодаль, перед лесом, темнел домик для сушки копры. Какал говорил по-английски медленно, порою подбирая слова,— для него, как и для нас, английский не был языком ежедневного употребления. Я дождался удобного момента и, наконец, спросил о том, что меня сегодня удивило:

— Какал! Почему утром в церкви было мало народу?

— Наверно, у людей нашлись какие-то важные дела,— отвечал юноша.— Например, они могли разговаривать с вашими товарищами, помогать им в работе.

— Но я прошел во время богослужения по деревне и не увидел наших сотрудников; между тем, люди занимались самыми обычными делами, даже готовили пищу и ели.

— Видимо, не пошли в церковь последователи Ялли.

— А кто такой Ялли?

Нам, конечно, было кое-что известно об этом основателе местного течения карго-культы, религиозного движения, которое представляет собой причудливую смесь отдельных христианских идей и местных верований, объединенных одной главной мыслью: папуасы должны иметь те же жизненные блага, что и белые. Однако хотелось получить сведения, так сказать, из первоисточника. Вопреки ожиданиям, интересного разговора не получилось. Какал ответил, что он ничего не знает, что вообще никто в деревне не сможет ничего рассказать, ибо Ялли живет далеко.

¹⁰ У папуасов Берега Маклая также не редкостью была «вытянутая от ношения тяжелых серег и часто разорванная» мочка (Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 38).

И он, Какал, не верит Ялли, потому что его учение лишь одни рассказы. Он верит тому, о чем говорят в церкви: бог над всем. Больше ничего нельзя было добиться от юноши, он явно избегал разговора на эту тему и с видимым облегчением воспринял вопрос о способах охоты.

Казалось, мы ничего существенного не услышали, но как-то сразу стали понятнее предостережения К. Саймонса. В тот вечер, когда мы все впервые собрались за столом, он настоятельно просил нас воздержаться от торжественных церемоний у мемориальной плиты на месте дома Н. Н. Миклухо-Маклая на мысе Гарагаси (в 3 км от Бонгу)¹¹. Он уверял нас, что такие церемонии могут быть истолкованы в свете идей карго-культа, и найдутся люди, которые будут под плитой искать товары (груз — «карго»), присланные для папуасов предками¹². В качестве примера он напомнил о недавних волнениях в районе реки Сепик, сопровождавшихся разрушением геодезических знаков. Слова К. Саймонса тогда не произвели на меня особого впечатления, и лишь внезапная замкнутость Какала ясно показала, что страсти, выплеснувшиеся наружу в другом месте, таятся и здесь.

Нежелание подружившегося с нами юноши рассказать об учении Ялли делало маловероятной надежду узнать что-нибудь еще о карго-культах. Но на следующий день вышло иначе.

* * *

Какал обещал познакомить меня с хозяином какого-нибудь дома, чтобы можно было сделать описание жилой хижины. Утром, когда мы встретились на центральной площади деревни, я напомнил ему об этом. Юноша кивнул головой. Он казался чем-то озабоченным. Отведя меня в сторону, чтобы никого не было рядом, он сказал едва слышным шепотом: «Вчера вечером, возвратившись домой, я передал своему отцу, что вы хотите знать о Ялли. Отец согласился рассказать. Сегодня перед обедом мы пойдем к нам домой, только никто не должен знать об этом разговоре». То же самое Какал сказал и М. В. Крюкову. Лицо юноши было серьезным. Видимо, он считал предстоящую беседу с отцом очень важным событием, потому что несколько раз с видом заговорщика повторил приглашение. Затем мы отправились к выбранной им хижине.

Какал представил меня пожилому папуасу с красным цветком за ухом. Он сидел на террасе своей хижины, свесив ноги. «Дагаун из вемупа Манлеу», — назвал имя хозяина Какал. С большим достоинством и в то же время приветливо Дагаун позволил мне осмотреть и описать его дом, далеко не самый богатый в деревне. Я поднялся на веранду. Какал ушел, и моими переводчиками были два мальчика лет десяти.

Дом Дагауна состоит из двух комнат, разделенных хозяйственным уголком (кухней), и веранды, обращенной к центральной площади деревни (рис. 6). Уже одной своей планировкой современные постройки папуасов заметно отличаются от традиционных хижин прошлого века¹³. Однако процесс развития жилища за сто лет был бы более ясным, если бы удалось выявить изменения в самих функциях семейных хижин. Стало ли в наши дни иным назначение жилых построек? Как будто, нет. Видимо, и прежде в семейных хижинах жили мужчины вместе с женами и детьми. Сведения по этому вопросу изложены у Н. Н. Миклухо-Маклая недостаточно четко. Однако мнение, что Бонгу можно поставить в один

¹¹ Эта плита установлена моряками и учеными судна «Витязь» в декабре 1970 г. См.: О. Почивалов, По следам Миклухо-Маклая, «Правда», 3 января 1971 г.

¹² Не лишним будет напомнить, что в пределах обширного района Маклай выступает в верованиях папуасов как обожествленный культурный герой. Подробнее см.: P. Lawless, Road belong Cargo, Manchester, 1964.

¹³ См.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 68—73.

ряд с теми папуасскими деревнями, где муж и жена живут врозь¹⁴, вряд ли можно подтвердить материалами Н. Н. Миклухо-Маклая. Вот, к примеру, несколько выдержек. «...Сегодня я видел молодую женщину в хижине холостяка, — вчера ее там еще не было, вчера вечером он на ней женился»¹⁵. «...Жених переводит невесту в свою хижину»¹⁶. «...Во время пребывания молодоженов в хижине сидящие неподалеку молодые люди отпускали остроты и замечания...»¹⁷. «Кроме пары копий, лука и десяти стрел и других орудий охоты и рыболовства, в хижине нет ничего»¹⁸.

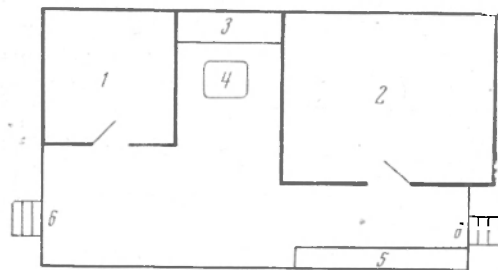

Рис. 6. Схематический план дома Дагауна: 1 — комната хозяина; 2 — женская комната; 3 — полки на «кухне», 4 — место для очага; 5 — хозяйственная полка на веранде; 6 — лестница на веранду

Из контекста ясно, что речь идет о семейных хижинах; при раздельной жизни было бы неоправданным хранение в них предметов, связанных с мужскими занятиями.

Погребальный обряд совершался у хижины умершего, где и прикрепляли под крышей завернутый в циновки труп. «Несколько дней спустя... труп... погребают в самой хижине, что, однако, не мешает родственникам продолжать жить в ней»¹⁹. Собираясь рано утром в деревню Горима, где нашлись люди, желающие убить Маклая, русский ученый складывал свои вещи. Так как это происходило в мужском доме, то его «никто не видел»²⁰. Не значит ли это, что Н. Н. Миклухо-Маклай ночевал в мужском доме один, а все прочие мужчины провели ночь в своих семейных хижинах? Подобные примеры можно умножить²¹. Все же некоторое разобщение полов в быту проявлялось и оставило свои следы в современных традициях Бонгу: одна комната дома Дагауна предназначена для главы семьи, другая — для женщин и детей.

Трудно пока сказать, вызвано ли внедрение свайных построек в Бонгу деятельностью колониальной администрации и миссионеров, но даже если оно и навязано папуасам европейцами, нельзя оценить это нововведение как прямое воздействие европейской культуры. Свайные хижины давно известны в других районах Новой Гвинеи (об этом можно судить хотя бы по рисункам Н. Н. Миклухо-Маклая), распространение их правильнее считать следствием развития местной культуры, возможно, ускоренного в новых условиях, после превращения Новой Гвинеи в колонию. Во всяком случае, изменения в архитектуре жилища повлекли за собой другие перемены. С появлением пола пропала необходимость в специальных помостах (барла), на которых папуасы прежде ели и спали. Теперь пол заменил помост, и стало возможно стелить циновки для спанья прямо на полу (как и делает семейство Дагауна). Вне хижин помосты все еще продолжают сооружать. Около некоторых домов в Бонгу до сих пор стоят помосты, хотя за дни нашего пребывания я ни разу не видел, чтобы на них кто-либо сидел или возлежал. Видимо, боль-

¹⁴ Н. А. Бутинов, Папуасы Новой Гвинеи, М., 1968, стр. 166; его же, Н. Н. Миклухо-Маклай и проблемы этнографии Берега Маклая на Новой Гвинее, «Сов. этнография», 1971, № 2, стр. 73.

¹⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 84.

¹⁶ Там же, стр. 77.

¹⁷ Там же, стр. 83.

¹⁸ Там же, стр. 73.

¹⁹ Там же, стр. 87.

²⁰ Там же, т. II, М.-Л., 1950, стр. 355.

²¹ Там же, стр. 333—335, 341, т. III, ч. I, стр. 70.

шой нужды в этом помосте нет — так, Дагаун у своего дома его не построил.

Хижина Дагауна сохраняла многие черты старинного папуасского жилища. Она была без окон. В комнате хозяина постелью служила циновка, а платяной шкаф заменяла веревка, протянутая от стены до стены; несколько рубашек было перекинута и через балку. Здесь же, над циновкой для спанья, находилась «тави» — материя из луба, предназначенная для праздничной одежды. Напротив двери на стене висели два небольших барабана «окам», подобные тем, какие зарисовывал еще Н. Н. Миклухо-Маклай. О времени Маклая напомнили и два железных топора, укрепленные рядом с барабанами (русский ученый впервые привез в Бонгу железные топоры). Необычно и в то же время приятно было услышать местное название этого орудия — «топор». Другое русское слово, кукуруза (на бонгу «гугруз»), я услышал в женской комнате: там над очагом хранились, подвешенные к балке, три початка кукурузы вместе с завернутыми в листья орехами бетеля.

Один из углов комнаты Дагауна был занят плетеными корзинами и несколькими деревянными блюдами («табир») с резьбой на внешней стороне у края; красивую продолговатую деревянную посудину я извлек и из-под нижней полки в кухне²². «Меня удивляло, что я ни в одном селении не видел изготовления табиров», — писал Н. Н. Миклухо-Маклай²³.

— Кто сделал этот табир? — обратился я к Дагауну.

— Люди, живущие на острове Сиаси, — отвечал он. — Они привозят их сюда для продажи. За этот табир я отдал три доллара. Табиры делают и в других деревнях — в Урима и Мебу.

— Разве люди Бонгу не могут вырезать блюдо из дерева?

— Могли бы, но у нас нет нужных инструментов.

— А кто процарапал на табире имя «Дагаун»?

— Я сам.

На кухне среди прочей утвари я рассмотрел еще одну вещь, знакомую по рисункам Н. Н. Миклухо-Маклая, — глиняный горшок (ваб). Как и прежде, бонгуанцы приобретают горшки в деревни Бил-Бил, отправляясь туда сами, но расплачиваются за горшки уже деньгами: средней величины горшок стоит один австралийский доллар.

И все-таки даже в таком доме, о бедности которого выразительнее всего говорит простой перечень предметов, взор наталкивается на много деталей, неизвестных быту папуасов столетие назад. Самое главное — это металл. Орудия из раковин и камня безвозвратно ушли в прошлое. Рядом с железными топорами в комнате Дагауна висят пила и длинный нож, напоминающий саблю. На кухне, на верхней полке, размещены три мотыги типа среднеазиатского кетменя с деревянной ручкой, но железной рабочей частью. Во времена Маклая мякоть кокосового ореха отделялась от скорлупы скребком из раковины. Теперь в Бонгу распространена известная и на ряде других островов Океании специальная скамеечка с укрепленной на ней металлической полоской. Сидя на скамейке, женщины очень быстро обрабатывают расколотые кокосовые орехи (почему-то в доме Дагауна эта скамейка находилась не на женской половине, а в комнате хозяина). Металл создает основу для очага: и в кухне, и в женской комнате хижины Дагауна на полу уложены железные листы, на которых разводят огонь. На хозяйственных полках с посудинками из кокосовой скорлупы соседствуют эмалированные миски, металлические кастрюли и кружки, покупные столовые ножи, стеклянные бутылки и банки. На одном из столбов веранды подвешена лампа «летучая мышь».

²² Этот «табир-доуру» с узором, изображающим, по мнению Дагауна, змею (амаль), приобретен для Музея антропологии и этнографии АН СССР.

²³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 60.

В комнате Дагауна стоит самодельная деревянная тумбочка, на тумбочке — стеклянный стакан, банки, ножницы...

Но вот я простился с Дагауном. Вместе со мной и М. В. Крюковым в гости к Какалу шел и Б. Н. Путилов, соблазненный нашим рассказом о баруме Какала. По словам юноши, принадлежавший его семье барабан был лучшим в деревне (всего в Бонгу восемь или десять таких барабанов). У их барума самый сильный и сочный звук, слышимый, по словам Какала, за двадцать миль от Бонгу. Отец юноши гордится барабаном и держит его в специальной хижине, чтобы защитить от солнечных лучей и дождя.

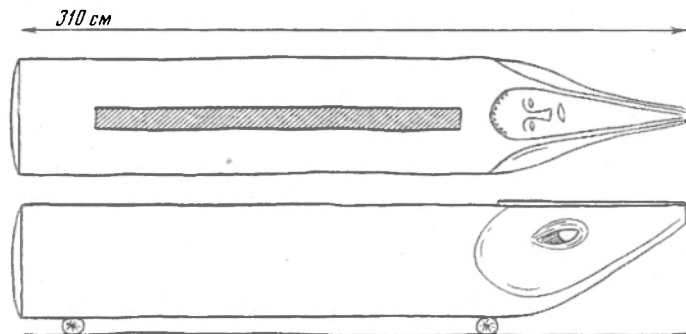

Рис. 7. Сигнальный барабан «барум»

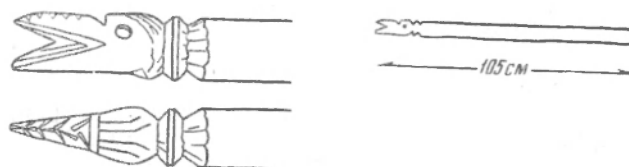

Рис. 8. Бита для «барума»

Барум, действительно, оказался достойным внимания. Было видно, что его берегут. Огромное лоснящееся темное бревно лежало в домике не прямо на земле, а на деревянных катках. Один конец его был сужен и наискось срезан снизу; овальная сквозная дыра, напоминавшая глаз, придавала барабану сходство с хищной рыбой (рис. 7). «Нет, это не глаз,— возразил Какал.— Это дыра сделана для того, чтобы можно было просунуть веревку и перетащить барум на другое место». С верхней части заостренного конца барабана бесстрастно смотрело в перекрытие хижины человеческое лицо. После переговоров с отцом Какал заявил, что на баруме изображен их предок. Резьба украшала и биту, которой, как пестом, стучали в барабан (рис. 8). Нерабочий конец ее завершался стилизованной головой птицы. «Это — птица-носорог (по-бонгу «нарэнг»), самая большая птица в наших местах, вот почему она изображена здесь», — пояснил юноша. Барабан сделал его дед. Это долгая и трудная работа. Для барума годятся только особые породы дерева с твердой древесиной, и на изготовление барабана уходит два месяца — в два раза больше, чем на постройку каноэ. Ручной барабан (окам) также очень трудно сделать, но три-четыре человека в Бонгу могут изготовить и окам (все-таки непонятно, почему они не делают сами деревянную посуду!).

Общим вниманием прочно завладел Б. Н. Путилов. По его просьбе отец Какала охотно стучал в барабан, передавая различные сигналы. Его крепкие мышцы напрягались, когда он поднимал биты, и плетёный из какой-то травы браслет над бицепсом левой руки с заткнутыми за него цветами сильнее врезался в кожу. Потом были исполнены несколько песен, и барум использовался уже как скамья — на нем сидел молодой мужчина, украсивший свою причёску целым букетиком из травы типа осоки и какого-то растения, отдаленно напоминающего папоротник. Рядом с ним примостился, свесив ноги, пожилой папуас в длинном полотнище вокруг бедер и покупных сандалиях²⁴. В хижину набралось человек десять соседей и родственников Какала. Я заметил здесь свою знакомую — главную искусницу в деревне по нанесению татуировки, всерьез решившую после моих расспросов, что мне не терпится испробовать на себе ее мастерство. Окурки сигареты за ухом придавал ей деловой и плутоватый вид.

Пока звучал барабан и пелись песни, я рассматривал хижину. По сути дела, главным в ней была крыша, типичной для Бонгу конструкции. Свисающие с нее пальмовые листья почти касались земли, поэтому не сразу бросалось в глаза отсутствие стен: площадку под крышей с трех сторон ограждал плетень высотой не больше метра. Вход украшала железная бочка. В глубине хижины возвышалась самодельная деревянная «кровать». Пепел на самой середине земляного пола показывал, что здесь обычно разводят огонь. На плетне напротив барума висел окаян, покрытый резьбой, на одном из столбов — фонарь «летучая мышь». Я спросил Какала, как называется эта постройка. «Боджью», — последовал ответ. Боджью? Но ведь так называется и «дом мальчиков»... Ну, конечно же, и эта хижина для барума также была мужским домом — вернее, тем, во что мужской дом превратился. Я должен был сразу понять это, когда Какал сказал, что он спит здесь на кровати. Вообще, по его словам, боджью сооружен рядом с хижинкой его отца не только для барабана, но и для того, чтобы в нем кто-то ночевал. В двух местах на ниточках, привязанных к крыше, свисали длинные сухие листья, сложенные гармошкой. Я видел такой же лист на ниточке и под крышей «дома мальчиков», который описывал вчера. «Да, — подтвердил Какал, — этот лист дерева, называемого на нашем языке „дир“, может висеть только в доме мальчиков — там, где не живут женщины. Таков обычай Бонгу. Для чего их подвешивают? Просто так. Таков обычай...»

Итак, я столкнулся еще с одной постройкой, показавшей, какими разными путями идет вырождение древнего мужского дома. Если в первом случае утрата его былых отличительных черт достигается почти полным уподоблением боджью свайной жилой хижине (естественно, без барума), то во втором случае мужской дом близок к превращению в навес для хранения барабана. И все-таки удивительно, как еще живуча традиция, которую Н. Н. Миклухо-Маклай застал в ее полной силе. Н. А. Бутинов, как он рассказывал потом, посетил мужской дом, сохранившийся в большей степени ряд своих традиционных особенностей.

Какал, между тем, не забывал о главной цели нашего прихода. Дождавшись, когда несколько песен было спето, он обратился к присутствующим с просьбой оставить его и отца на некоторое время наедине с русскими гостями. Его слова вызвали общее недоумение, однако все повиновались. Не прошло и минуты, как хижина опустела. Мы присели на циновки: Какал рядом с отцом, а напротив — М. В. Крюков и я. Внезапно наступившая тишина после громкого смеха и пенья вызвала у нас чувство некоторой неловкости. Надо было начинать разговор, и я поблагодарил отца Какала за любезное приглашение посетить их дом. Какал перевел эту фразу на язык бонгу. Отец что-то произнес. «Я рад видеть

²⁴ Как правило, жители Бонгу обувь не носят.

у себя людей из далекой страны Маклая», — перевел Какал. И вновь наступило молчание. Б. Н. Путилов, стоявший до этого у входа в хижину и занятый осмотром магнитофона, собрал свои вещи и ушел. Мы остались вчетвером. М. В. Крюков попытался продолжить светскую беседу: «Мы очень тронуты тем теплым приемом, который оказывают нам жители Бонгу...», — начал он, но в этот момент в хижину вошел папуас. Он уже уселся было на барабан, но Какал что-то сказал ему не допускающим возражения тоном, и мужчина (по мнению М. В. Крюкова, глава одной из семейно-родовых групп) молча удалился. Опять воцарилась тишина.

Какал, необычайно серьезный, сам приступил к делу. Он торжественно сообщил: «Мой отец сейчас расскажет вам о человеке, о котором вы спрашивали вчера». Отец слегка наклонился к юноше. Хотя вокруг не было ни души, он говорил едва слышным шопотом — во всяком случае, я видел лишь, как шевелились его губы, окрашенные бетелем в неестественно алый цвет. Какал переводил нам его слова таким же тихим шопотом, причем имя Ялли он произносил настолько неясно, что его приходилось скорее угадывать. Наверное, мы все очень странно выглядели со стороны.

Оказывается, отец Какала однажды сам видел Ялли. Ялли говорил окружающим его людям, что он может совершать чудеса, например, превратить лежащие в море камни в пищу. Он учил, что нельзя, будучи в лесу, губить понапрасну растительность и все живое, что людям в деревне нельзя ссориться и враждовать, что человека, пришедшего в деревню из другого места, надо хорошо принять, накормить, уложить спать в своем доме, помочь в его деле. И нужно чистить рот, умываться и содержать одежду, дом и туалеты в чистоте.

— А как Ялли учит относиться к белым людям?

— К ним надо относиться так же хорошо, как и ко всем другим.

И вдруг в беседе неожиданно произошла резкая перемена. Было бы неправдой утверждать, что мы уловили какой-то особый взгляд отца Какала или движение, выдающее беспокойство. Нет, внешне все оставалось прежним. Но отец юноши перестал рассказывать, он лишь отвечал на вопросы, причем очень скуп.

— Какая же разница между словами Ялли и учением церкви? Ведь то, к чему призывает Ялли, проповедует и христианский пастор.

— Никакой разницы нет. Более того, сам Ялли говорит, что надо ходить в церковь и верить в бога, который властвует надо всем.

— Почему же из нашей беседы надо делать такой секрет — говорить тихо и удалять посторонних?

— Сам Ялли — хороший человек, и его слова совпадают с учением церкви, но его последователи решили, что в церковь ходить не надо. Это не было ответом на вопрос, но настаивать не имело смысла.

— А говорил ли что-нибудь Ялли о товарах, карго?

— Нет. Напротив, он убеждал, что надо надеяться на свой труд, ибо никакие блага не придут к человеку сами, без усилий с его стороны.

Еще несколько вопросов ничего нового не дали. Было очевидно, что разговор, к которому готовились с самого утра, окончен. Мы еще раз выразили признательность отцу Какала за гостеприимство и внимание и расстались с ним, унося в руках подарки — два деревянных табира. После позднего обеда в нашей хижине мы снова бродили по деревне, фотографировали, зарисовывали, и рисунок папуасского каноэ пришлось завершить уже в темноте, при свете карманного фонарика. Затем опять была долгая — последняя — беседа с папуасскими друзьями за столом на веранде нашей хижины, и только когда все разошлись, мы с М. В. Крюковым сели в стороне, чтобы поделиться впечатлениями о встрече, носившей такой конспиративный характер. Кроме нас, на ве-

Рис. 9. Хижина старика. Фото Н. А. Бутинова

ранде осталась И. М. Меликсетова, складывавшая в походные баулы посуду.

Мы единодушно пришли к выводу, что отец Какала сочувствует Ялли. По сути дела, в своем рассказе он выгораживал Ялли, стремился представить его в лучшем свете, отрицал разницу между его идеями и учением церкви. Другие приверженцы пророка карго-культа могли осудить юношу и его отца, узнав, что они говорили о таких запретных вещах с белыми людьми, хотя бы эти белые и были из страны самого Маклая. Вот почему наш разговор был окружен строжайшей тайной. Мы оба признали также, что сами скомкали интересную встречу. Вопрос об отношении Ялли к белым не стоило задавать столь поспешно и прямолинейно. Он напомнил папуасам о цвете кожи собеседников и вернул их к привычной осторожности. И все же сама беседа со столь серьезными охраняемыми мерами была трогательным свидетельством доверия, которого сочли нас достойными наши друзья из Бонгу.

* * *

Многое, очень многое изменилось в Бонгу за минувшие сто лет, и полученные этнографическим отрядом материалы позволяют представить общую картину произошедших перемен. Собранные сведения, естественно, неравноценны. Из-за кратковременности нашего пребывания в деревне особое значение благодаря своей достоверности приобретают данные по материальной культуре. Она, как можно понять из этого очерка, прошла в своем развитии значительный путь.

Однако, оценивая культуру народа в целом, следует всегда иметь в виду, какие изменения происходят в рамках местных традиций, не нарушая их как систему взаимодействующих явлений, и какие вносят в жизненный уклад совершенно новые черты, сводя на нет прежние особенности местной культуры. С этой точки зрения изменения в материальной культуре Бонгу пока еще не означают серьезного переворота в жизни па-

...новые вещи заняли место старых вещей, но выполняют те же функции. Недаром эмалированные миски называются так же, как деревянные — «табёр», кастрюли — как глиняные горшки — «ваб», железные тесаки сохраняют название уже исчезнувшего из быта бамбукового ножа, «сирау». Даже скамеечка с металлическим скребком восприняла название примитивного древнего орудия для добывания мякоти кокосового ореха («джарур», у Н. Н. Миклухо-Маклая — «ярур»). Правда, жилище папуасов существенно изменилось, но стал ли другим быт папуасов?

На этот вопрос пока нельзя дать исчерпывающего ответа. Исследование современной материальной культуры Бонгу нами только начато. В собранных сведениях есть немало пробелов. Так, я не могу без сожаления смотреть на фотоснимок небольшой свайной хижины с крышей, начинающейся прямо от пола (рис. 9). «Кто здесь живет?» — спросил я Какала, когда мы проходили мимо. «Один старик», — сказал юноша. Лежащий рядом барум позволяет думать, что эта хижина тоже является своеобразным пережитком мужского дома. Д. Д. Тумаркину ведь назвали мужским домом небольшую постройку с земляным полом, где жил старик-вдовец. Однако я не выяснил у юноши, как называется хижина, и поэтому не могу с уверенностью отнести ее к разряду мужских домов.

В Бонгу еще много работы для этнографов.
